

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Всего лет сто тому назад лингвокультурный концептуарий среднестатистического носителя русского языка, выражающий ментальность русского человека, фиксирующий основные знаки-символы языковой картины мира, формировался под преимущественным влиянием культурной традиции, запечатленной в литературе, бытовой обрядности, в системе социальных отношений.

Время, пространство, труд, семья, дом, совесть, скромность, жизнь, смерть – базовые, наиболее значимые концепты русской культуры, аксиологичные по природе своей, выражали характер отношения человека к окружающей действительности, нормы поведения и ограждались обществом от процессов десемантизации: чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать пафос общеизвестных памятников древнерусской литературы.

Сегодня ситуация изменилась принципиально. Начало этих изменений было связано с наступлением эры постмодернизма. Чуткий к слову А. Битов в апреле 1990 года в «Литературной газете» опубликовал «Две заметки периода застоя», в одной из которых, проанализировав стилистические пометы в новом тогда словаре эпитетов русского языка, обнаружил очень показательные вещи. К разряду устаревших «добросовестные» составители словаря отнесли словосочетания *«деньги трудные», «страх божий», «мир благодатный, благодетельный, благополучный», «радость легкокрылая и лучезарная, нищенская, святая»*... Словарь открывался *«авторитетом безграничным»* и *«яростью удушливой и четкой»*. Битов не нашел ни одного словосочетания с существительным «совесть».

Сегодня многие изменения, зафиксированные писателем, стали окончательной реальностью, непреложными, обязательными фрагментами новой картины мира. А тенденция, отмеченная писателем, только усилилась, ситуация усугубилась, потому что, как нам представляется, сегодня процесс деформации национальной языковой картины мира с применением приемов речевого воздействия стал целенаправленным, достаточно профессионально организованным. Доказательств тому немало. Базовыми концептами в языке современной публицистики, как абсолютно справедливо написала об этом Н.И. Клушина [2006], *становятся «удача», «богатство», «уверенность», «успешность»*.

Еще более значимое явление – деконструкция традиционных культурных стереотипов через трансформацию лингвокультурного концептуария под воздействием средств массовой информации, масс-медиа культуры.

Хотелось бы обратить внимание на уже сложившийся алгоритм использования в сфере масс-медиа лексических единиц, называемых концепты, функционирование которых ограничивалось ментальными запретами, с которыми часто была связана вера славян в мистическую силу слова, вера, человеком интенсивно переживаемая, но чаще всего не подвергавшаяся рефлексии. К таким концептам относятся *концепты «демон» («черт», «дьявол», «бес», «сатана»), «скверна», «деньги», «блуд», «смерть» («мертвый», «покойник»)*. Концепт *«смерть»* в этой системе занимает особое положение, так как кодирует культурно значимую информацию, организующую онтологическую концептосферу носителей русского языка. В конце прошлого столетия в одном из диалогов Л. Гумилева и А. Панченко прозвучало: есть только три вехи на пути человека – рождение, брак, смерть. И отношение к этим событиям было и будет самым серьезным основанием для оценки духовного здоровья человека, нравственного состояния общества.

В восприятии смерти русским человеком вплоть до недавнего времени достаточно органично совмещались ранние языческие и христианские представления. Совмещение это зафиксировано даже в лексикографическом описании понятия, включавшем три компонента: *смерть* – это «конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умиранье, состоянье отжившего» (см. любой толковый словарь современного русского языка).

Художественная культура в разных жанрах и направлениях предьявляла еще более значительную семантику этого концепта. Начиная с древних славянских преданий, заканчивая «Последним сроком» В. Распутина, этот концепт реализуется через вполне конкретный образ, наделенный не менее конкретным обликом. Наиболее яркие приметы этого образа запечатлевались уже в детстве, после знакомства ребенка с русскими народными сказками. В классической литературе, в более поздней традиционной прозе образ смерти оброс огромным количеством ассоциативных связей, превращающих его в ментально значимый символ, на использование которого никогда не отменялись серьезные ограничения, если не сказать табу.

В.П. Астафьев незадолго до смерти сказал: «Самое страшное – привычка к смерти. Хотя к смерти надо постоянно приготавливаться, но ни в коем случае нельзя привыкать к ней. А вообще, лучше и не думать, и не говорить, и не писать о смерти... Мысли прилипчивы! Пастернак говорил Евгению Евтушенко: «Вы, молодой человек, напрасно балуетесь со словом «смерть» - есть вещи, которых всуе касаться нельзя» [Русаков 2005, с.182].

И вот к концу двадцатого века изменения в ситуации с использованием этого концепта стали абсолютно очевидными. Обложки детективных и любовных романов, страницы «качественной» периодики запестрели заголовками, заголовочными текстами, в структуре которых в той или иной форме, в самых неожиданных контекстах стало появляться слово «смерть» или слова того же семантического поля: *«Чему учит смерть?»; «Не может смерть, могут деньги?»; «Партия Смерти»* (сженедельник «Аргументы и факты»); *«Смерть – ми-*

ый друг» («24 часа»); «Сталин – заложный покойник» или «...Наконец-то старики вымрут, и тогда мы заживем богато. Потому что на каждом работающем два халзящика-пенсионера» («Огонек»)....

Примеры эти можно множить до бесконечности. В результате стали возникать новые речевые клише, идиомы, метафоры, перифразы («склеить листы», «кинуть кони», «отбросить копыта»), отметающие стилевые, тематические или жанровые ограничения на функционирование, эксплуатацию обладающего мистической силой, с точки зрения наших предков, концептов.

Все это явления вполне закономерно приводят к расширению семантического поля концепта при отсутствии необходимой проекции лингвокультурных свойств слова, обозначающего данный концепт, на экстралингвистические условия его употребления в тексте в соответствии с исторически сложившимся смыслом.

Тут можно возразить, что уточнение и обновление многих традиционных понятий, совершенствование в процессе коммуникации смысловой структуры слова, слова, обозначающего концепт, в том числе, явление вполне естественное, закономерное и ни в коей мере не поддающееся рациональному регулированию, воздействию, более того, в подобном регулировании или воздействии по причине естественности не нуждающееся. В такой точке зрения, безусловно, есть доля истины, так как в противном случае можно прийти к бесплодному обсуждению проблемы объективности действия законов речевого развития.

В данном случае, как нам представляется, важна иная сторона вопроса. Необходимо отдавать себе отчет в том, что разрушение «энергетики» базовых для языковой картины мира, онтологически значимых концептов неизбежно приведет к изменению языковой личности – к исчезновению из ее структуры лингвистически зафиксированных представлений о ценности, о смысле жизни. Когда-то И.П. Павлов высказал догадку, что на слово настроены даже многие условные рефлексы русского человека. Об этом «думы» В.М. Шукшина. Принципиально изменившееся отношение человека двадцатого века к смерти волновало В.П. Астафьева, А.И. Солженицына, Е.И. Носова.

Крупнейшие писатели понимали, что этот процесс неизбежно спровоцирует изменение цивилизационного кода (если под цивилизацией, вслед за В.В. Бычковым, понимать всю совокупность деятельности человека, направленной на удовлетворение не только материальных, но и духовных потребностей), так как «уставший» наш язык, как говорил В.П. Астафьев, не перестал быть не только зеркалом, но и средством формирования мировоззрения и миропонимания. Правда, Астафьев как способ «лечения» предлагал молчание. Скорее всего, вслед за Г.Г. Хазагеровым, надо задуматься о средствах риторической защиты от уничтожающей агрессии современных масс-медиа (нравственная и профессиональная цензура). Из далекого уже 1922 года О. Манделштам предупреждает: отлучение от языка в России равносильно отлучению от истории, за которым неизбежно последует смерть, уважать которую мы почти разучились.